

УДК 321:327.5

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_43

КРИТИКА РОССИИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ФРГ И ПОЛЬШИ 2014–2024 ГГ.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Андрей Александрович Линченко,

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Липецкий филиал,
Липецкий государственный
технический университет,
Липецк, Россия,
linchenko1@mail.ru

Варвара Владимировна Антоновская,

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
var.antonovskaya@yandex.ru

*Получена 04.11.2024.**Поступила после рецензирования 18.12.2024.**Принята к публикации 13.01.2025.*

Для цитирования: Линченко А.А., Антоновская В.В. Критика России в дискурсе политических партий ФРГ и Польши 2014–2024 гг.: опыт сравнительного анализа // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 43–68. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_43

Аннотация

Целью данной статьи являлся сравнительный анализ критических образов России в политическом дискурсе парламентских партий Германии и Польши

© Линченко А.А., Антоновская В.В., 2025

в период 2014–2024 гг. На основе сравнительного анализа широкого круга источников, представленных программными документами польских и немецких партий, парламентскими докладами, комментариями деятелей партий на партийных сайтах и в СМИ, были выявлены три уровня критических образов России: критические замечания, санкционная риторика, элементы культуры отмены. Использование методологии критического дискурс-анализа З. Йегера позволило проанализировать особенности дискурсивных стратегий критики России на каждом уровне, а также изучить их динамику в контексте событий 2014–2022 гг. Применение методологии П. Бурдьё позволило сделать вывод о фрагментации образов России, где отдельные образы России как символического Другого (экономические, политические, культурные) оказывались востребованными в рамках актуальных трендов символической политики партий и логики самого политического поля взаимодействия между ними. Было выявлено, что после присоединения к России Крыма в 2014 г. образы России получают не только отчетливо критическую направленность, но и актуализируются в рамках дискурсивного уровня санкционной риторики. Начало конфликта России с Украиной в 2022 г. способствовало смещению тенденции фрагментации образов России на периферию, обозначив временное единство позиций политических партий в отношении как внутренней, так и внешней политики России. В случае немецких партий это нашло отражение не только в фактическом сходстве критического нарратива у всех партий Бундестага 20-го созыва, но и размывании границы между критическими высказываниями и санкционной риторикой. В случае наиболее критически настроенной в отношении России польской партии «Право и Справедливость» это нашло выражение в появлении элементов культуры отмены в антироссийском дискурсе. В статье были проанализированы специфика отождествления российской политики с фигурой президента России, а также позиционирование конфликта на Украине как вехи в исторической борьбе с авторитаризмом и диктатурой в Европе.

Ключевые слова:

культура отмены, образы России, историческая политика, политические партии, Польша, Германия, критический дискурс-анализ, санкционная риторика

Источники финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FEUZ-2024-0044.

UDC 321:327.5

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_43

CRITICISM OF RUSSIA IN THE DISCOURSE OF POLITICAL PARTIES IN GERMANY AND POLAND 2014–2024: A COMPARATIVE ANALYSIS

Andrei A. Linchenko,

Financial University
under the Government of Russian Federation,
Lipetsk State Technical University,
Lipetsk, Russia,
linchenko1@mail.ru

Varvara V. Antonovskaya,

RUDN University,
Moscow, Russia,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
var.antonovskaya@yandex.ru

Received 04.11.2024.

Received after peer review 18.12.2024.

Accepted for publication 13.01.2025.

For citation: Linchenko, A.A., Antonovskaya, V.V. (2025). Criticism of Russia in the Discourse of Political Parties in Germany and Poland 2014–2024: A Comparative Analysis. *Discourse-P*, 22(1), 43–68. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_43

Abstract

This article aims to conduct a comparative analysis of critical representations of Russia in the political discourse of parliamentary parties in Germany and Poland from 2014 to 2024. Through an examination of a diverse array of sources – including programmatic documents from Polish and German parties, parliamentary reports, and comments from party activists on the websites and in the media – three levels of critical images of Russia were identified: critical remarks, sanctions rhetoric, and elements of cancel culture. Employing the methodology of critical discourse analysis as proposed by Siegfried Jäger, the article analyses the discursive strategies used to criticize Russia at each level, alongside their evolution in relation to significant events in 2014 and 2022. Using Pierre Bourdieu's methodology, the study concludes that images of Russia are fragmented; distinct representations of Russia as a *symbolic Other* – encompassing economic, political, and cultural dimensions – are shaped by current trends in symbolic politics and the dynamics within the political field. The research reveals that following the emergence of the Crimean crisis in 2014, the images of Russia acquired a distinctly critical tone, furthermore they became prominent within the discursive surrounding sanctions. The outbreak of the conflict between Russia and Ukraine

in 2022 shifted this trend, leading to a temporary alignment among German and Polish political parties regarding both domestic and foreign policy of Russia. In Germany, this alignment was reflected in a notable similarity in the critical narratives across all parties represented in the Bundestag, blurring the lines between critical statements and sanctions rhetoric. For Poland's *Law and Justice* party, which is particularly critical of Russia, this alignment manifested through elements of cancel culture within its anti-Russian discourse. The article also examines how European political elites often equate Russian politics with the figure of the Russian president, and how they position the conflict in Ukraine as a milestone in the Europe's historical struggle against authoritarianism and dictatorship.

Keywords:

cancel culture, images of Russia, historical politics, political parties, Poland, Germany, critical discourse analysis, sanctions rhetoric

Funding:

The study was conducted with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2024-0044.

Введение

Образы России для современной европейской политики являются одним из наиболее противоречивых аспектов, представляя собой не только отражение текущих внешнеполитических установок, но и выполняя известную функцию символического *Другого* для риторики по внутриполитическим вопросам и спорам с оппонентами. В этой связи тема символической эксплуатации образов России, российской политики, российской и русской культуры представляет для современных исследований несомненный интерес. Однако было бы большим упущением говорить о некоей «коллективной» позиции в отношении России применительно к многочисленным акторам европейской политики, принимая во внимание не только уровень их политической позиции, но и учитывая страновую специфику. В этой связи несомненную актуальность приобретает сравнительный анализ немецкого и польского кейсов, где, с одной стороны, мы видим страну с полувековыми традициями западноевропейской демократии, а с другой – государство, вставшее на демократический путь в конце 1980-х гг. и сохраняющее в своей общественно-политической и культурной жизни свой особый вариант посткоммунизма (Миллер, 2012, с. 12–13). Важную роль в формировании внешней и внутренней политики данных государств играют политические партии, определяющие мейнстрим также и в сфере символической политики. Однако символическая политика как часть реальной политики, связанная с производством и «продвижением/навязыванием определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» (Малинова, 2010, с. 92), выходит далеко за пределы идеологической проблематики и указывает на важную роль коммуникации между участниками политического поля, во-

площающуюся в политическом дискурсе. В этой связи Е. И. Шейгал определяет политический дискурс как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» (Шейгал, 2000, с. 30).

Целью данной статьи является сравнительный анализ критики России в дискурсе политических партий ФРГ и Польши в период 2014–2024 гг. В данном случае нас будут интересовать политические установки партий в отношении России, выраженные не только в их программных документах, но и в их политической риторике, транслируемой через СМИ и официальные медиаресурсы. Выбор хронологических рамок связан не только с «условным» десятилетием, всегда обозначающим определенную символическую веху во внешнеполитическом курсе, но и с событиями вокруг полуострова Крым в 2014 г., ставшими своеобразной переломной точкой в отношениях между Россией и Евросоюзом. При этом нас будет интересовать не только вопрос о том, какие критические образы России оказались востребованы в политическом дискурсе парламентских партий двух стран, но и сравнительный анализ данных дискурсов на примере ФРГ и Польши.

Источники и методология

Изучение образов России в официальных документах политических партий Центральной и Восточной Европы не является новой темой исследования. В последние годы данный вопрос неоднократно исследовался как в контексте немецкой политической жизни (Басов, 2014; Вишнякова, 2017; Морозов, Матвеева, 2022; Пичугин, 2022; Пичугин, 2024; Хорольская, 2019), так и на материалах польских партий (Балобаев, 2012; Женгота, 2019; Михалев, 2023). Отдельную группу исследований составляют работы, затрагивающие репрезентацию образов России в рамках актуальных практик исторической политики ведущих партий Польши и ФРГ (Миллер, Липман, 2012; Словински, 2020; Шмыт, 2022). Однако изучение образов России предпринималось прежде всего на основе программных документов политических партий как наиболее репрезентативного и релевантного источника. И действительно, политические программы партий могут рассматриваться как ключевой информационный ресурс, отражающий официальную для партии интерпретацию того или иного вопроса внешней и внутренней политики. Вместе с тем изучение политического дискурса партий может быть представлено и более широким кругом источников, которые связаны как с публичными выступлениями представителей партии, небольшими комментариями партии относительно актуальных событий, так и с официальными аналитическими отчетами, позволяющими увидеть менее формальные трактовки политических событий в быстроизменяющемся политическом контексте. К этому надо добавить, что ориентация исключительно на программы партий в большей мере характерна для исследований предвыборного дискурса (Корниенко, 2015),

в то время как обращение к более широкой группе источников позволяет проследить динамику партийного дискурса и течений в нем. В этой связи, обращаясь к десятилетнему периоду динамики критических образов России в политическом дискурсе парламентских партий ФРГ и Польши, мы анализировали три группы источников: а) программные документы партий и их парламентские доклады; б) комментарии деятелей партии на партийных сайтах; в) заявления лидеров и представителей партий в СМИ.

Однако было бы ошибкой рассматривать политические партии как отдельные единицы для анализа, поскольку в реальности логика их взаимодействия, равно как и логика символического использования образов России, во многом определяется логикой того политического поля, о котором писал П. Бурдьё: «...партии, как и течения внутри партий, имеют относительный характер, и напрасны старания определить, чем они являются, что они проповедают, без учета того, чем являются и что проповедают внутри одного и того же поля их конкуренты» (Бурдьё, 2017, с. 192). Используя методологические идеи французского социолога, можно сказать, что дискурс политических партий всегда создается в процессе их коммуникации с другими акторами политического поля в процессе борьбы за перераспределение символического капитала.

Обширная источниковая база, включающая в себя как официальные тексты партий, так и многочисленные комментарии представителей партий различного ранга, потребовали от нас обращения к соответствующей методологии. В данном случае наиболее перспективной является методология критического дискурс-анализа, которая, с одной стороны, позволяет анализировать корпус текстов как определенную структуру, а с другой стороны, выявлять смысловые линии, стоящие за всей совокупностью официальных текстов и комментариев. В этой связи достаточно интересной представляется методология критического дискурс-анализа Ж. Йегера, которая в отличие от других подходов делает акцент на специфику формирования легитимного знания в обществе и изучение его функций в процессе конструирования социальных сообществ, групп и институтов. Он определяет знание как «любые формы содержания сознания, а также значения, используемые субъектами для интерпретации окружающей реальности на данном историческом периоде времени» (Jäger, 2013, p. 33).

Давая дискурсу определение, немецкий исследователь следует линии своего соотечественника Юргена Линка, который интерпретировал дискурс как «институционально консолидированный язык, определяющий структуру социальных действий и, тем самым, влияющий на отношения власти в обществе» (Jäger, 2013, p. 34). Основной задачей данного метода является анализ типичных текстовых фрагментов (фрагментов дискурсов), репрезентированных в символическом пространстве и содержащих различные виды отсылок на одну общую тему, выступающую в качестве своеобразной дискурсивной нити (*discursive strand*), которую немецкий исследователь определяет как сумму текстовых фрагментов как фрагментов дискурса на одну тему (Jäger, 2013, p. 38). В нашем исследовании такой общей темой являются критические образы России как в аспекте государства в целом, так и в более узких аспектах российского народа, российской политики и культуры (русской / русской).

В соответствии с методологией З. Йегера нами был проведен структурный анализ (исследование «поверхности текста»), который позволил выявить основные темы, их заголовки и подзаголовки, элементы передаваемых структурных значений каждого телевизионного проекта, а также элементы значений, передаваемых в видеоматериалах не напрямую. Далее официальные документы и совокупности комментариев анализировались в рамках риторических средств (видов и форм аргументаций и аргументативных стратегий, логики и композиции, импликаций и инсинуаций, коллективного символизма и метафор в языке). Завершающей процедурой в нашем случае стало сравнение интерпретативных контекстов политических партий ФРГ и Польши, выявление идеологических влияний и выделение типичных фрагментов дискурса, составляющих дискурсивную нить.

Образы России как объект символической политики

Если использовать методологический подход П. Бурдьё в качестве общетеоретической рамки нашего исследования, то сравнительный анализ политического дискурса партий необходимо начинать с изучения логики того поля, в котором они находятся. На наш взгляд, данная логика задается самим характером эволюции партийных систем в современной Европе. Как показывает исследование В.И. Макаренко и И.И. Петрова (Макаренко, Петров, 2023), партийные системы Европы в масштабах последних 30 лет демонстрируют существенные изменения. С одной стороны, политические партии продолжают оставаться центральным институтом политического представительства, демонстрируя способность реагировать на вызовы времени и вызовы обществ. С другой стороны, как показывают российские исследователи, и по социально-экономической и по культурной (неэкономические ценности) оси наблюдается заметная трансформация: «...сдвиг всего партийного спектра влево по социально-экономической оси, возрастание значимости “неэкономической” оси, особенно для правых и популистских партий, утрата “жизненным центром” – правоцентристскими левоцентристскими мейнстримными партиями – доминирующей роли в партийной политике, подъем популистских партий разного толка, существенная специфика становления и развития партийных систем в посткоммунистических странах... Левоцентристы терпят электоральный урон в конкуренции с разными политическими силами – “новыми левыми”, “зелеными” и популистами разного толка. Правоцентристы находятся в поисках оптимальной стратегии конкуренции с правыми популистами» (Макаренко, Петров, 2023, с. 11).

Вследствие данной ситуации не могло не измениться и пространство символической конкуренции, где образы России являлись одним из аспектов символического *Другого*, по отношению к которому партии в изменяющихся условиях политического поля определяли свою собственную идентичность. Очевидным следствием подобной трансформации политического поля стала фрагментация образов России, где отдельные образы России (экономические, политические, культурные) могли в большей или меньшей мере оказываться востребованными в рамках актуальных трендов символической политики. В этой связи наиболее распространенными образами России являлись либо упо-

минания о ней в контексте внутри и внешнеполитических вопросов стран ЕС, либо критические высказывания о ней вследствие отдельных фактов нарушения прав человека, экономических или политических противоречий современной ситуации в России. В данном критическом отношении нет ничего удивительного. В исследованиях подчеркивается, что предвыборный партийный дискурс сродни конфликтному дискурсу: «Создаваемая данной разновидностью политического дискурса модель социальной реальности, а значит, и сама конструируемая им реальность, зиждется на предельно четком, интенсивном и разностороннем противопоставлении МЫ- и ОНИ-групп» (Корниенко, 2015, с. 314).

На этом фоне особенно выделяется 2014 г., который оказался принципиально новой вехой в символическом использовании образов России. Крымские события 2014 г. стали причиной введения против России ряда санкций Евросоюза и США. В данном случае к конструктивным и деструктивным формам критики в отношении России добавляется также и санкционная риторика, которая маркировала появление еще одного уровня дискурса. Однако и после 2014 г. образы России продолжали оставаться фрагментарными, а их символическое использование продолжало зависеть от логики того политического поля, на котором взаимодействовали политические партии в Европе.

Конфликт на Украине, начавшийся 24 февраля 2022 г., обозначил еще одну веху в символическом использовании образов России. Масштабы конфликта и консолидация западных стран вокруг помощи Украине не могли не оказать влияния на политический дискурс. В данном случае мы сталкиваемся не только с углублением и расширением санкционной риторики, но и с появлением в отдельных случаях элементов культуры отмены. Ярким примером этого является высказывание министра культуры Польши, сделанное им в 2022 г.: «Из общественного пространства культура российская должна исчезнуть. Мы ценим достижения этой культуры в музыке или литературе. Они на высшем уровне, но мы имеем дело со страной, которая сошла с ума»¹. Подобные высказывания обозначили появление элементов еще одного уровня дискурса, отражающего существенную смену акцентов в интерпретации России. Вместе с тем можно ли сказать, что точка зрения бывшего министра культуры Польши характерна для значительной части политических акторов Евросоюза? Этот вопрос мы задавали себе, обращаясь к нашим источникам для сравнительного анализа политического дискурса партий ФРГ и Польши. В данном случае наши ожидания учитывали противоречивость самой ситуации. С одной стороны, образы России по-прежнему будут отражать специфику нарративов отдельных акторов и их взаимной адаптации в условиях изменяющегося политического поля, что будет сохранять в силе тенденцию дальнейшей фрагментации образов и дифференцированного к ним отношения в контексте актуальных внутриполитических и внешнеполитических задач. С другой стороны, конфликт с Украиной в буквальном смысле отодвинул данную тенденцию на периферию, обозначив временное единство позиций политических партий в отношении, по крайней мере, российской внешней политики. Принимая во внимание данный факт, мы стремились в нашем анализе различать как минимум три уровня симво-

¹ Piasta, P. (2022). Minister Gliński walczy z Puszkinem. *Myśl Polska*. Pobrano Marca 20, 2025, z <https://myslpolska.info/2022/04/05/minister-kultury-walczy-z-puszkinem/>

лического использования критических образов России: критических высказываний и интерпретаций, санкционной риторики, элементов культуры отмены.

Критические образы России в политическом дискурсе партий ФРГ

Современная Германия является государством, где политические партии выполняют важную роль одного из столпов демократической политической системы (Тимошенко, 2020). Однако и здесь в последние годы мы наблюдаем заметную трансформацию политического поля, которое, как показывает исследование Ф. А. Басова, существенно изменяется под влиянием эволюции 2.5-партийной в 1.5-партийную систему. В 2021 г. традиционные двухпартийные варианты коалиций сменила коалиция *Свободной демократической партии Германии, Социал-демократической партии Германии* (далее – СДПГ) и *Союза 90/Зеленых* (Басов, 2021, с. 34). В 2024 г. данная коалиция потерпит крах, открывая возможность для нового политического соглашения. В современной Германии идет процесс поляризации политического спектра и плюрализации парламентского пространства. Наиболее ярко это проявилось в росте популярности популистских партий (*Альтернативы для Германии* (далее – АдГ) и партийного проекта Сары Вагенкнехт). При этом, несмотря на подобную трансформацию, отмечается устойчивость немецкой партийной системы и стабильность ее внешнеполитического курса (Хорольская, 2019, с.81). Учитывая направленность нашей статьи на изучение критической стороны дискурса в отношении России, наше основное внимание было акцентировано на таких немецких партиях, как СДПГ, Христианско-демократический союз Германии (далее – ХДС) / *Христианско-социальный союз Баварии* (далее – ХСС), *Союз 90/Зеленые*.

Одной из самых влиятельных партий ФРГ является *Социал-демократическая партия Германии*, положение которой на протяжении трех последних составов Бундестага изменялось: Бундестаг 18-го созыва (далее и по аналогии – Бундестаг-18) – 193 места, Бундестаг-19 – 152 места, Бундестаг-20 – 206 мест). До 2014 г. партию отличалась устойчивым интересом к широкому сотрудничеству с Россией при существенно меньшем интересе к специфике развития внутриполитической ситуации в России. События 2014 и 2022 гг. существенно повлияли как на структуру, так и на риторику дискурса СДПГ в отношении России.

Структурный анализ предвыборных программ и публичных выступлений представителей СДПГ показал заметную трансформацию основных тем, в рамках символического использования образов России. Если в программных документах 2013 г. мы видим две ключевые темы, связанные с «удержанием» России в Европе, «стратегическим партнерством» с Россией², а в 2014 г. к этим двум темам добав-

² Das wir entscheidet (2013). 120 S. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands*. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/20130415_regierungsprogramm_2013_2017.pdf

³ Europa eine neue Richtung geben (2014). 14 S. *Abgeordnetenwatch.de*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/default/files/election-program-files/spd-europawahl-2014.pdf>

ляется стремление к сотрудничеству с Россией в решении актуальных международных проблем, то уже в программе 2017 г., опубликованной перед выборами в Бундестаг-19, мы, с одной стороны, видим стремление к сотрудничеству с Россией в борьбе с мировым терроризмом в обеспечении стабильности и свободы на континенте, а с другой – указание на «обремененность» в отношениях с Россией вследствие политического кризиса на востоке Украины и ситуации вокруг полуострова Крым⁴. Программа 2021 г. оказалась еще более критической по отношению к России, где единственной темой сотрудничества объявлялось взаимодействие на уровне институтов гражданского общества. Остальные три темы (отказ от концепции постепенного снятия санкций, регулярное нарушение прав человека и поддержка сепаратистов на востоке Украины, кибератаки) демонстрировали явно антироссийскую направленность⁵. Еще более острой выглядела критика России в официальном разъяснении партии, посвященном ее внешнеполитической стратегии, где сама Россия была обозначена как «угроза региональной безопасности»⁶.

На этом фоне более радикальными выглядят публичные выступления представителей партии, а также их высказывания в СМИ. Анализ риторических средств показал, что уже начиная с 2014 г. представители партии активно высказывались в СМИ не только в рамках критических замечаний, но и в рамках санкционной риторики. Критически оценивая события 2014 г. вокруг присоединения Россией Крымского полуострова, представители партии использовали повторяющийся набор понятий: «фактическая оккупация Крыма», «провал европейского мирного порядка», «поспешный референдум», «аннексия Крыма». Отдельным аспектом критического уровня дискурса явились обсуждения убийства Бориса Немцова и судебного процесса над Алексеем Навальным. Оба события рассматривались в контексте риторики угрозы для демократии и оценивались крайне негативно. Убийство Бориса Немцова было названо «хладнокровным и расчетливым», в то время как описание судебного процесса над Алексеем Навальным символически использовало образы репрессий 1930-х гг.: «...после того как Навальный был приговорен к тюремному заключению в ходе почти сталинского показательного процесса, теперь ему позволяют умереть на глазах всего мира и своего народа. Циничная демонстрация тоталитарной государственной власти над жизнью

⁴ Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021 der SPD: Es ist Zeit für mehr Gerechtigkeit (2017). Berlin. 88 S. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.astrid-online.it/static/upload/spd_spd_regierungsprogramm2017.pdf

⁵ Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD (2021, Mai 9). 66 S. Sozialdemokratische Partei Deutschlands. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf>

⁶ Sozialdemokratische Antworten auf eine Welt im Umbruch (2023, Januar 20). Sozialdemokratische Partei Deutschlands. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.spd.de/fileadmin/internationalepolitik/20232001_KIP.pdf

⁷ Juratovic, J. (2021, April 22). Der Aufmarsch russischer Truppen an der ukrainischen Grenze lässt die Gefahr einer weiteren Eskalation in der Ostukraine zu. Sozialdemokratische Partei Deutschlands. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/themen/reden/aktuelle-stunde-russische-truppenbewegungen-wachsenden-gefahr-eskalation-ostukraine>

и смертью»⁷. Следует заметить, что на уровне санкционной риторики количество комментариев представителей СДПГ было значительно меньшим, чем количество критических комментариев. Более того, анализируя высказывания представителей СДПГ, Бундестага-18 и Бундестага-19, нельзя сказать, что они являлись однозначно антироссийскими. Постоянно подчеркивалось, что необходимо дать «единый ответ на действия России», «не преклоняться перед Путиным», «не уклоняться от конфронтации». В тоже время в этих же комментариях на протяжении 2014–2021 гг. постоянно отмечалось, что «санкции против России – это неправильный путь», «нам нужен прочный мир с Россией», «между Германией и Россией существует бесконечное партнерство», «наша цель – не сохранение перманентных санкций против России, а окончательное разрешение украинского кризиса».

Ситуация поменялась после начала военного конфликта на Украине в феврале 2022 г. Показательно, что границы между критическими высказываниями и санкционной риторикой становятся все более размытыми, указывая на дальнейшую радикализацию политического дискурса. Среди критической риторики мы видим новые дискурсивные нити, связанные с интерпретацией выборов в России как «фальшивых», «псевдореферендумов ЛНР и ДНР», а также критику внутренней политики в России, связанной с «нападением Путина на свое общество» и «переходом к автократии»⁸. Новые дискурсивные нити также явно обозначились и на уровне санкционной риторики. В данном случае вслед за канцлером ФРГ Олафом Шольцом в риторику представителей партии вошел новый термин *Zeitenwende* («поворотный момент»), обозначивший принципиально новый поворот в отношениях с Россией⁹. Второй дискурсивной нитью, появившейся в политической риторике СДПГ, стала интерпретация военного конфликта России и Украины как «жестокой, ужасной и бесчеловечной агрессии», где борьба Украины была обозначена как «демократическое противостояние авторитарным государствам» и «поворотный момент в истории континента». В этой связи также можно наблюдать усилившуюся персонификацию ответственности за вооруженный конфликт, где слова «Россия» и «Путин» оказывались взаимозаменяемыми: «...без оружия Украина проиграла, а без оружия путинский империализм и колониализм восторжествуют. И никто из тех, кто отвержен демократии и свободе, не может всерьез этого желать»¹⁰. Еще одной дискурсивной нитью, зафиксированной в выступлениях политиков СДПГ, стала характеристика санкций как «беспрецедентных» и «всеобъемлющих»,

⁸ Heinrich, G. (2022, April 25). Eine sozialdemokratische Zeitenwende. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/themen/sozialdemokratische-zeitenwende>

⁹ Шольц, О. (2022, 27 февраля). *Заявление Федерального канцлера Федеративной Республики Германия*, Депутата Германского Бундестага Олафа Шольца, Берлин. Взято 20 марта 2025, с <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/заявление-федерального-канцлера-федеративной-республики-германия-депутата-германского-бундестага-олафа-шольца-берлин-27-февраля-2022-2008380>

¹⁰ Roth, M. (2023, März 1). “Unsere rote Linie ist das Völkerrecht”. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/presse/pressemitteilungen/rote-linie-voelkerrecht>

что предполагало заморозку экономических, политических, культурных и научных связей между странами, а также опасения в том, что на Европу «упадет новый железный занавес»¹¹.

Не менее значимой в партийном спектре ФРГ является партия *Христианско-демократический союз Германии* и близкая к ней *Христианско-социальный союз Баварии*. Если судить по трем последним Бундестагам, то заметным является снижение числа мест ХДС/ХСС в парламенте (Бундестаг-18 – 310 мест, Бундестаг-19 – 245 мест, Бундестаг-20 – 197 мест). При этом, как показывают исследования последних лет, на фоне постепенного падения рейтинга СДПГ и канцлера О. Шольца популярность оппозиционных партий (АдГ и блок ХДС/ХСС), активно критикующих правительство, растет (Хорольская, 2023, с. 80). Оставляя в стороне специфику общего отношения к России внутри блока ХДС/ХСС, подробно проанализированную в статьях (Басов, 2014; Белов, 2022; Пичугин, 2022; Пичугин, 2024), сконцентрируем внимание на результатах нашего дискурс-анализа.

Структурный анализ официальных документов партии ХДС/ХСС (предвыборных программ, документов, разъясняющих внешнеполитическую позицию), с учетом совокупности комментариев в СМИ и на официальном сайте партии также показывает заметную трансформацию тем и заголовков. Если в программе 2013 г. мы видим темы, связанные с пониманием России как одного из ключевых партнеров Германии¹², то уже программа 2014 г., сохраняя темы российско-немецкого сотрудничества и репатриации русских немцев, акцентировала внимание на нескольких темах, связанных с конфликтом на Востоке Украины и необходимостью возвращения Крыма¹³. Также в программе можно было встретить темы, связанные с обвинениями России в кибератаках и пророссийской пропаганде. В отдельном документе 2016 г. действия России на Украине обозначались как «неприемлемые», а ключевым являлось указание на нарушение международного права¹⁴. В 2017 г., несмотря на сохранение темы продолжения конструктивного диалога, речь шла об агрессии России на Востоке Украины и необходимости соблюдать Минские соглашения¹⁵.

¹¹ Mützenich, R., Heinrich, G. (2022, Februar 24). Der russische Präsident ist ein Kriegsverbrecher. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/themen/russische-praesident-kriegsverbrecher>

¹² Gemeinsam erfolgreich für Deutschland (2013). 127 S. *Naturschutzbund Deutschland*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.nabu.de/imperia/md/content/nabude/umweltpolitik/cdu-csu-wahlpogramm2013.pdf>

¹³ Gemeinsam erfolgreich in Europa (2014). 103 S. *Abgeordnetenwatch.de*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/default/files/election-program-files/cdu-europawahl-2014.pdf>

¹⁴ *Positionspapier Russland. Positionspapier der CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag Beschluss vom 29. November 2016*. 10 S. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.cduscu.de/sites/default/files/positionspapier_russland_final_clean_4.pdf

¹⁵ Lücking, M.C. (2017, Juli 3). Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben. 78 S. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.luecking-michel.de/wp-content/uploads/2017/07/2017_CDUCSU_Regierungsprogramm.pdf

Программы 2019¹⁶ и 2021¹⁷ гг. сохранили основные критические по отношению к России темы, а также продемонстрировали сдвиг партийного блока в сторону ужесточения санкций. Радикально критической можно было бы назвать программу ХДС/ХСС, подготовленную к европейским выборам 2024 г., где конфликт на Украине характеризуется как «жесточая наступательная война», а сама Россия интерпретируется как «реальная угроза» Европе. В программе также поднимаются темы военных преступлений и необходимости вести диалог с правительством России, которое бы уважительно относилось к международному праву¹⁸.

Столь существенная трансформация общих установок партии отражена в их программных документах, где в большинстве случаев дипломатический язык более предпочтителен, не может не способствовать и радикализации риторики, выражаемой представителями партии в СМИ и в публичных выступлениях. В этой связи анализ риторических приемов за период 2014–2022 гг. обнаружил целый спектр критических замечаний, сконцентрированных вокруг «аннексии Крыма» и «дестабилизации ситуации в Украине», а также характеристики России как «автократической системы» и «элитной клептократии». В первом случае критические замечания использовали историю российско-украинских отношений как символический ресурс, где в 2014 г. тон задавала канцлер Ангела Меркель, которая отметила, что Россия отстаивает свои интересы средствами XIX и XX вв. и ставит под угрозу международную стабильность: «... в период большой неопределенности в Украине Россия не доказала, что является партнером по обеспечению стабильности в соседней стране, которая тесно связана с ней исторически, культурно и экономически, а вместо этого пользуется ее существующей слабостью»¹⁹. Важной вехой критики, вне которой партийный блок не мог пройти мимо, стало убийство Бориса Немцова, ставшее символом «атмосферы ненависти в России» и «политики репрессий против инакомыслящих»²⁰.

¹⁶ Unser Europa macht stark. Für Sicherheit, Frieden und Wohlstand (2019). 26 S. *Christlich-Soziale Union. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.csu.de/common/csu/content/csu/hauptnavigation/dialog/infomaterial/2019/CDU_20CSU_Europawahlprogramm_final_20mit_20deckblatt_BF.pdf

¹⁷ Das Programm für Stabilität und Erneuerung (2021, 21 Juni). 139 S. *Christlich-Soziale Union. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf>

¹⁸ Mit Sicherheit Europa. Für ein Europa, das schützt und nützt. Wahlprogramm von CDU und CSU zur Europawahl 2024 (2024, März 11). *Christlich-Soziale Union in Bayern. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.csu.de/common/download/Europawahl_2024/Wahlprogramm_Europawahl_2024_CDU_CSU_.pdf

¹⁹ Merkel, A. (2014, März 13). Kanzlerin Merkel droht Russland mit Sanktionen. *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2014/49865952_kw11_de_regierungserklaerung_ukraine-216288

²⁰ Beratung aus Anlass des Mords an Boris Nemzow (2015, März 04). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2015/kw10_aktuelle_stunde_-nemzow-363644

Санкционная риторика блока ХДС/ХСС в период 2014–2022 гг. оказалась более радикальной чем у СДПГ. Ключевым положением, определявшим большинство публичных высказываний представителей партии, стала формула «аннексия Крыма должна быть наказана». Данная речевая конструкция несколько раз повторялась в виде метафоры «соленого украинского супа»: «Мы должны так сильно солить украинский суп, чтобы у Путина пропал аппетит»²¹.

Как и в случае с СДПГ, после 24 февраля 2022 г. граница между критическими замечаниями и санкционной риторикой в выступлениях представителей ХДС/ХСС практически стирается. И здесь мы также обнаруживаем несколько риторических стратегий.

Первая стратегия состоит в ярко выраженном стремлении персонифицировать конфликт путем выстраивания синонимических связей между словами «Россия» и «Путин», что нашло отражение в использовании целого ряда конструктов: «война Путина», «репрессии Путина», «режим Путина», «цинизм Путина». Соответственно, планы России в отношении Украины характеризовались как «великодержавная фантазия»²². Показательно, что данная тенденция оказалась характерна именно для партий, настроенных наиболее критически в отношении России (Морозов, Матвеева, 2022).

Вторая стратегия, явно обозначившаяся в целом ряде выступлений в рамках дискуссий в Бундестаге еще до 2022 г., была связана со стремлением отделить «российский народ» от «политического режима в России». В очередной раз подчеркивалось, что «российский народ заслуживает лучшего президента». Данный мотив представляется понятным, принимая во внимание факт большого числа русскоязычных жителей ФРГ, все более ориентирующихся в последние годы на правопопулистские партии (Krawatzek, Matevosyan, 2024). Причем самые большие потери голосов русскоязычных граждан ФРГ понесли именно ХДС / ХСС. Если еще в начале 2000-х гг. поддержка ХДС / ХСС среди «поздних переселенцев» из СССР была на уровне 70 %, то на выборах 2017 г. число таковых сократилось до 28 %. На выборах 2021 года число сторонников сократилось уже до 20 %.

Третья стратегия, наиболее ярко проявившаяся в высказываниях, оказалась связана с описанием угроз самой Германии на фоне конфликта на Украине. В данном случае речь шла о российских ракетах в Калининграде, обеспечении общей безопасности от России, увеличении военного бюджета. При этом сам конфликт продолжал маркироваться как «военное преступление», а президент России – как «военный преступник».

Еще одной партией Германии, традиционно наиболее критически высказывающейся о России и российско-немецких отношениях, является партия

²¹ Krichbaum, G. (2014, April 17). Krichbaum: Der Schlüssel liegt in Putins Händen. *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://webarchiv.bundestag.de/archive/2016/1004/dokumente/textarchiv/2014/50626337_kw16_interview_krichbaum/217000.html

²² Dobrindt, A. (2022, Februar 21). *Diplomatie darf nie schweigen*. CSU im Bundestag. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.csu-landesgruppe.de/themen/auswaertiges-europa-verteidigung/diplomatie-darf-nie-schweigen>

Союз 90/Зеленые. Если в Бундестагах-18 и -19 партия практически не изменила своего положения (63 и 67 мест соответственно), то Бундестаг-20 стал временем усиления Зеленых, которые во второй половине 1990-х гг. постепенно эволюционировали с левого фланга в центр (Басов, 2021, с. 33). Показательно, что результаты в Бундестаг-20 могли бы быть еще лучше, если бы не ошибки кандидата от партии А. Бербок, стоившие партии почти 10% голосов и невозможности возглавить правящую коалицию (Хорольская, 2023, с. 79).

Структурный анализ программных документов партии показывает нам заметное увеличение тем и заголовков, отражающих общие особенности дискурса партии в отношении России.

Двигаясь от программы 2013 г.²³ к программам 2017²⁴ и 2018 гг.²⁵, мы видим, что от сбалансированной позиции, содержащей критику России за нарушение прав человека, а также положения о сотрудничестве с РФ, партия переходит к острой критике «агрессивной политики Путина», репрессий, российских хакерских атак. В последней программе 2021 г. ключевым темами относительно России стали остановка строительства Северного потока-2, а также националистическая и реакционная политика России²⁶.

Анализ риторических приемов, использовавшихся в высказываниях политиков партии, показал, что и до 2022 г. грань между критическими замечаниями и санкционной риторикой была очень неустойчивой. Это было связано с единой позицией партии относительно внутренней и внешней политики России как «испытания европейских ценностей». В данном случае подчеркивалось, что источником угроз является «репрессивная и антимодернизационная политика Путина», проявляющая себя как внутри России, так и за ее пределами. Соответственно, «в политике федерального правительства в отношении России не может быть “обычного бизнеса”»²⁷. Позиция России по Крыму и Восточной Украине была также охарактеризована как «дух великорусского национализма», с которым президент Путин продолжает «играть», претендуя на большее влияние в Восточной

²³ Zeit für den Grünen Wandel. Teilhaben. Einmischen. Zukunft schaffen (2013, April 28). 337 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS-90-DIE-GRUENEN-Bundestagswahlprogramm-2013.pdf>

²⁴ Europa mitentscheiden, erneuern, zusammenhalten (2014, Februar 9). 145 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Gruenes-Europawahlprogramm-2014.pdf>

²⁵ Zukunft wird aus Mut gemacht (2017, Juni 18). 248 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website; Europas Versprechen erneuern (2018, November 18). 197 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017.pdf

²⁶ Deutschland. Alles ist drin (2021, 13 Juni). 272 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENENBundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf

²⁷ Steinmeier, F. (2014, April 17). Steinmeier will aktive deutsche Außenpolitik. *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2014/48937162_kw05_de_aussenpolitik-215168

Европе. Представители партии многократно подчеркивали, что «Россия является стороной конфликта»²⁸, хотя и отмечали, что она остается частью европейского дома. Соответственно партия особо отмечала, что она полностью поддерживает введенные против России санкции США, которые после присоединения к России Крыма «оправданы». В данном случае следует заметить, что депутаты от партии в Бундестаге неоднократно поднимали вопросы о правомерности тех или иных поставок оборудования, на которое были наложены санкции, апеллируя к ответственности за это представителей немецких компаний и госслужащих. После февраля 2022 г. санкционная риторика партии стала более радикальной, что нашло выражение не только в характеристике событий на Украине как «жестокой наступательной войны», но и в требовании исключить Россию из Совета Европы, а также «изолировать В. Путина от всего мира»²⁹. Комментируя необходимость введения самых жестких санкций в отношении России, представители партии стремились всячески подчеркнуть предельную критичность своей санкционной риторики: «Кремлю придется горько пожалеть о такой атаке»³⁰.

Резкий переход к санкционной риторике после 24 февраля 2022 г. обозначила и партия Свободных демократов, всегда уделявшая мало места России в своих программных документах. С одной стороны, основные темы и основные понятия, которыми пользуются представители партии в отношении России, нельзя назвать новыми: партия открыто высказалась о конфликте как «наступательной войне», «нарушении международного права», осудила Россию как «агрессора». С другой стороны, именно в поле санкционной риторики представители партии сразу обозначили линии, к которым представители СДПГ и ХДС/ХСС подошли лишь после начала боевых действий на Украине, не только упомянув об эмбарго и международной изоляции, но и поставив вопрос об «уголовной ответственности» руководства России³¹. В данном случае можно согласиться с мнением В.С. Морозова и Е.А. Матвеевой, что наряду с другими партиями, использующими похожие понятия для критики России, партия Свободных демократов стремилась сохранить свою специфику (Морозов, Матвеева, 2022, с. 191).

Несмотря на то, что критика России появилась и в программах лояльных к ней АдГ и Левых, мы не будем подробно останавливаться на их критических замечаниях, поскольку после 2022 г. в их случае не обозначается специфика оригинальности дискурса самой партии в отношении России, а также потому,

²⁸ Baberowski und Beck uneins über den Russland-Ukraine-Konflikt (2016, April 17). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2016/kw42-w-forum-ukraine-russland-463040>

²⁹ Reintke, T. (2022, Oktober 16). *Wir müssen Wladimir Putin global isolieren, indem wir hier vor Ort unsere Häuser besser isolieren*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://twitter.com/Die_Gruenen/status/1581613067670286336

³⁰ Verhältnis des Westens gegenüber Russland erörtert (2022, Februar 17). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw07-de-russlandpolitik-879568>

³¹ Europa. Einfach. Machen. Das Programm der FDP zur Europawahl 2024 (2024, Januar 28). *Freie Demokraten. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.fdp.de/europa-einfach-machen>

что уровень санкционной риторики в их программных документах и заявлениях так и не проявился в полной мере. Говоря другими словами, партии не могли не учитывать реалии 2022 г., однако расширение уровней критических замечаний и санкционной риторики противоречило специфике политической идентичности данных партий.

Критические образы России в политическом дискурсе польских партий

Ключевой особенностью польского случая в интересующем нас хронологическом периоде является время абсолютного доминирования правоконсервативной партии Право и справедливость (далее – ПиС), которая с 2015 по 2023 г., располагая большинством в сейме, была способна не только формировать однопартийное правительство, но и смогла выдвинуть на пост президента Польши близкого ей Анджея Дуду. Более того, даже утратив в результате выборов 2023 г. большинство в парламенте, она, по мнению О.Ю. Михалева, получила чуть более 35 % голосов избирателей, улучшив свои показатели 2015 г. и не добрав всего 37 депутатских мест до большинства (Михалев, 2023, с. 44). В этих условиях коалиция, состоящая из партий *Гражданская коалиция* (ранее *Гражданская платформа*), *Третий путь*, *Новые левые*, *Конфедерация свободы и независимости*, смогла сформировать правительство.

Специфика эволюции политической жизни Польши в 1990-е и 2000-е гг. проходила на фоне политики декоммунизации. Вместе с тем сама специфика данной декоммунизации вела к формированию в Польше особого варианта посткоммунистического общества, где пятьдесят лет модернизации в эпоху социализма однозначно характеризовались как «чуждое советское иго». Это наложило заметный отпечаток на особенности символического использования образов России, которые получали свою особую трактовку, исходя из двух конкурирующих парадигм политики памяти. «Первая, ориентированная на либеральный и примирительный патриотизм, направленный на интеграцию в ЕС, пытается учитывать исторические нарративы соседей и нацменьшинств. <...> Вторая парадигма – националистическая, критически относится к идеологическим тенденциям в ЕС, направлена на устранение внутренних и внешних врагов, а также поощрение национальной гордости» (Шмыт, 2022, с. 65). Показательным в данном случае является тот факт, что данные парадигмы оказались востребованы двумя крупнейшими политическими партиями страны. Первая парадигма с некоторыми оговорками стала позицией либеральной правоцентристской «Гражданской платформы», в то время как вторая парадигма стала позицией правоконсервативной «Право и Справедливость».

За восемь лет своего абсолютного доминирования в сейме ПиС смогла развернуть широкую историческую политику с новой топонимикой, словарем публичной памяти, расширением практик Института национальной памяти, мифологии «второй Катыни», коммеморациях Варшавской битвы 1920 г. Более того, как показывают исследования предыдущих лет, тема исторической памяти и критика России достаточно давно являются важным элементом позиционирования ПиС в польской политической жизни (Балобаев, 2012; Женгота, 2019).

Структурный анализ предвыборных программ 2015 и 2019 гг.³² и комментариев представителей ПиС показывает преобладание целого ряда тем, используемых ПиС в качестве дополнительного фактора предвыборной агитации в условиях сложностей реализации внутренней политики в стране. Показательно, что образы России для ПиС в ее программе представляют собой однозначно критический нарратив как в отношении внешнеполитических действий России, так и касательно российско-польских отношений. Этими темами являются обсуждение противоречий сотрудничества с Россией, нарушение российской властью актов международного права, развитие оборонного потенциала Польши в условиях присутствия «российской угрозы», энергетическая независимость от России, вопросы судоходства на Балтике, поддержка Украины в ее конфликте на Донбассе.

Как и в случае немецких партий, анализ риторических средств, используемых в публичных выступлениях выявил большую критичность в отношении России в период 2014–2022 гг. Общим местом всех выступлений стало своеобразное единство исторического и современного образа России как «агрессора», угрожающего Польше и в дальнейшем Европе. Показательно, что данная критическая стратегия оказалась характерна и для высших чиновников Польши, связанных с ПиС. Так, 15 сентября 2020 г. президент Польши Анджей Дуда заявил: «Большевистское наступление тогда сокрушило Польшу. Пожары, смерть, изнасилования, отчаяние, страх, ужас, падение морального духа общества и солдат. Потери казались неизбежными. Многие думали, что случившееся уже не исправить, что Польша падет под ударами Советской России, Красной Армии, что принесенный с Востока коммунизм охватит нашу страну и затопит Германию и всю Европу»³³. Годом позже, комментируя очередное предложение о встрече лидеров ЕС и России, премьер-министр Матеуш Моравецкий подчеркнул, что Польша и многие другие лидеры считают такую встречу далеко преждевременной, поскольку она будет восприниматься как награда российскому президенту за его «агрессивную политику». Вторая критическая стратегия, позволяющая ПиС символически использовать образы России, в указанный нами период была связана с интерпретацией российских внешнеполитических проектов прошлого как «мрачных времен». Так, в конце августа 2020 г. Анна Фотыга, экс-глава МИД Польши на встрече с белорусской оппозицией на Калиновском форуме заявила: «Калиновская конференция полна символов. Один из них – годовщина Пакта Риббентропа–Молотова, который напоминает нам о самом мрачном времени в истории нашего региона, которое, однако, было преодолено»³⁴. Показательно также, что критический нарратив в отношении России часто использовался ПиС для конфронтации со своими политическими оппонентами в ходе предвыборной борьбы (Неменский, 2021).

³² *Prawo i Sprawiedliwość. Dokumenty oraz pliki*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/dokumenty>

³³ Duda, A. (2020, Wrzesień 15). *The centenary of the 1920 Battle of Warsaw*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://www.president.pl/news/the-centenary-of-the-1920-battle-of-warsaw,37143>

³⁴ Fotyga, A. (2020, Sierpień 24). *Forum Kalinowskiego – konferencja poświęcona sytuacji na Białorusi*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/forum-kalinowskiego-konferencja-poswiecona-sytuacji-na-bialorusi>

Выделяя наиболее заметные стратегии санкционной риторики, высказывавшиеся представителями ПиС начиная с 2014 г., можно указать на две. Первая стратегия была связана с присоединением Крыма и военными действиями на Востоке Украины в 2015–2021 гг. и представляла собой различные попытки обосновать санкции как ответ «на агрессию». Вторая стратегия уже традиционно была связана с трагическими событиями гибели польской делегации в Катыни 10 апреля 2010 г. В частности, комментируя расследование авиакатастрофы и причастность к этому России, лидер партии Ярослав Качиньский говорил: «Есть ли у нас сегодня какие-либо инструменты, которые могли бы заставить русских дать нам показания? Единственные варианты, которые необходимо рассмотреть,— это Трибунал в Гааге. Других возможностей я не вижу»³⁵.

24 февраля 2022 г. ПиС еще более радикализировало нарративы в отношении России. Причем, если ранее представители партии сознательно смешивали русское, советское, российское, указывая на единый образ врага, то после начала военного конфликта России и Украины к двум устоявшимся уровнями критического дискурса и санкционной риторики в отношении РФ добавился третий, содержащий элементы культуры отмены. Это говорит не только о расширении, но и углублении критического дискурса ПиС в отношении России. Важным маркером дальнейшего развития уровня критических высказываний высших политиков Польши стала персонификация действий России как действий российского президента: «Путин впитал в себя худшее из современной истории, то есть национализм, империализм и колониализм. Мы забыли, что колониализм может иметь жестокое лицо российской агрессии. С одной стороны, мы видим реализацию российского “Мира”, а с другой — безжалостную эксплуатацию украинской нации, которая является объектом нападения»³⁶. Тот же Матеуш Моравецкий в годовщину начала военного конфликта России и Украины обозначил расширение критики и на уровне санкционной риторики, акцентируя внимание на решительном ответе России: «Польша и Украина знают вкус российского плена. Мы знаем, что такое мир свободы, а Россия и Путин знают мир агрессии. На российскую агрессию необходимо ответить силой»³⁷.

Особым измерением критического дискурса ПиС в отношении РФ стало использование элементов культуры отмены, где объект отмены варьировался достаточно произвольно. Так, в уже упоминавшемся высказывании министра культуры и национального наследия Петра Глинского речь шла об исчезновении «российской культуры». В это же время Иохим Брудзинский, депутат Европарламента от ПиС делал акцент на канселллинге бизнес-сотрудничества с Россией: «Ваши лидеры призывают ваши компании не закрывать свой бизнес в России, потому что вам нужны грязные, окровавленные рубли,

³⁵ Kaczyński, J. (2016, Kwiecień 7). *Musimy zachować suwerenność i godność narodową*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/musimy-zachowac-suwerennosc-i-godnosc-narodowa>

³⁶ Morawiecki, M. (2022, Czerwiec 10). *Polska wielkim projektem Europy*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/polska-wielkim-projektem-europy>

³⁷ Morawiecki, M. (2023, Luty 24). *365 dni wojny na Ukrainie*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/365-dni-wojny-na-ukrainie>

которые можно обменять на якобы чистые евро. Вам не удастся смыть это пятно со своей чести. История этого не забудет»³⁸. По его мнению, «Россия снова стала империей зла». Наконец, Матеуш Моравецкий пытался говорить о необходимости «стереть идеологию Русского мира»³⁹. Вместе с тем данные высказывания так и остались эпизодическими, будучи в большей мере ориентированными на электорат Польши.

Другая значимая политическая партия Польши *Гражданская платформа* до 2022 г. утверждала необходимость сближения с Россией⁴⁰. В программах данной партии России всегда уделялось менее значительное место, чем Европе с ее ценностями. Лидер партии Дональд Туск был председателем Европейского Совета в 2014–2019 гг. В этой связи попытка проведения структурного анализа не выявило какой-либо систематической информации о России. Это подтверждается также и незначительным количеством высказываний виднейших представителей партии в СМИ. Вместе с тем еще с начала 2010-х гг. исследователи неоднократно фиксировали в риторике партии наличие нарратива, указывающего на необходимость преодоления «страха перед Россией» в контексте развития польских оборонных инициатив (Балобаев, 2012, с. 70). Реагируя на позицию Евросоюза, партия разворачивала критику России в контексте освобождения Алексея Навального: «Польша должна потребовать немедленного освобождения Алексея Навального, а также привлечения к ответственности виновных в попытке его убийства»⁴¹.

После начала конфликта России и Украины партия, как и другие крупные европейские политические акторы, также начала позиционировать себя в рамках антироссийской риторики. Однако и здесь партия выделяла удобное для себя пространство с целью критики России, апеллируя к теме «защиты от авторитаризма»: «Сила сопротивления политике Кремля заключается в единстве – единстве, которого автократы особенно боятся и хотят разрушить <...> Наш оппонент – автократическая Россия... Риторика о “двух врагах Польши” – России и Западе, столь распространенная в высказываниях многих политиков и зависимых от них СМИ, на самом деле является поддержкой российской пропаганды, стремящейся отделить нашу страну от демократического сообщества»⁴².

³⁸ Brudziński, J. (2022, Maj 4). *Rosja ponownie stała się imperium zła*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/rosja-ponownie-stala-sie-imperium-zla>

³⁹ Morawiecki, M. (2022, Maj 19). *Zło XX wieku nie jest odległym wspomnieniem*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/zlo-xx-wieku-nie-jest-odleglym-wspomnieniem>

⁴⁰ См. подробнее: *Naprawimy polską politykę zagraniczną – Rada Krajowa* (2018, Luty 24). *Platforma Obywalska*. Pobrano (2024, Listopad 1). Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/naprawimy-polska-polityke-zagraniczna-rada-krajowa-2402>; *Program polityki zagranicznej #silnapolska* (2019, Lipiec 4). *Platforma Obywalska*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/program-polityki-zagranicznej-silnapolska>

⁴¹ *Stanowisko ws. Działania rosyjskich władz wobec aleksieja nawalnego*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/stanowisko-ws-dzialania-rosyjskich-wladz-wobec-aleksieja-nawalnego#0>

⁴² Tusk, D. *W godzinie próby. List otwarty Donalda Tuska*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/list-pdt>

Заключение

Таким образом, эволюция партийных систем в современной Европе и трансформация пространства символической конкуренции между ними способствовали фрагментации образов России, где отдельные образы России (экономические, политические, культурные) могли в большей или меньшей мере оказываться востребованными в рамках актуальных трендов символической политики. Вместе с тем, несмотря на данную фрагментацию, образы России продолжали оставаться одним из аспектов символического Другого, по отношению к которому партии в изменяющихся условиях политического поля определяли свою собственную идентичность. После присоединения Крыма к России в 2014 г. образы России как символического Другого получают не только отчетливо критическую направленность, но и актуализируются в рамках более глубокого дискурсивного уровня санкционной риторики. Вместе с тем сравнительный анализ дискурса политических партий ФРГ и Польши в 2014–2022 гг. показывает, что и уровень критических высказываний, и уровень санкционной риторики демонстрировали специфику самой партии, отражая в первую очередь логику ее взаимодействия с внутриполитическими оппонентами и избирателями. Начало конфликта России с Украиной в 2022 г. способствовало смещению тенденции фрагментации образов России на периферию, обозначив временное единство позиций политических партий в отношении как внутренней, так и внешней политики России. В случае немецких партий это нашло отражение не только в фактическом сходстве критического нарратива у всех партий Бундестага-20, но и размывании границы между критическими высказываниями и санкционной риторикой. В случае наиболее критически настроенной в отношении России польской партии Право и Справедливость это нашло выражение в появлении элементов культуры отмены в антироссийском дискурсе. Значимой тенденцией, проявившей себя как в рамках немецкого, так и в рамках польского партийного дискурса, оказалась персонификация российской стороны военного конфликта и отождествлении российской политики с фигурой президента России. Еще одной общей тенденцией стало позиционирование конфликта на Украине как вехи в исторической борьбе с авторитаризмом и диктатурой в Европе. При этом масштабы российско-украинского конфликта и глубина взаимных российско-европейских санкций явно указывают на то, что сдвиг в критическом восприятии России в сторону устойчивой санкционной риторики еще долго продолжит оставаться важным маркером конструирования и позиционирования своей идентичности ведущими партиями и Польши, и Германии.

Список литературы

1. Балобаев, В. А. (2012). Россия в программах польских политических партий в избирательной кампании 2011 года. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (1), 68–77.
2. Басов, Ф. А. (2014). Россия в установках политических партий ФРГ. *Мировая экономика и международные отношения*, (4), 56–61.

3. Басов, Ф.А. (2021). Трансформация партийной системы Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 65(2), 29–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36>
4. Белов, В.Б. (2022). Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Фактор Украины. Часть 2. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (2), 100–116. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2022100116>
5. Бурдые, П. (2017). *Социология социального пространства*. Санкт-Петербург: Алетейя.
6. Вишнякова, О.С. (2017). Подходы парламентских партий ФРГ к выстраиванию российско-германских отношений в контексте выборов в бундестаг 2017 года. *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*, (4), 295–300.
7. Женгота, К. (2019). Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ. *Балтийский регион*, 11(3), 125–141. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-7>
8. Корниенко, А.В. (2015). Предвыборный партийный дискурс в лингво-социологической перспективе. В О.Ю. Малинова и др. (Ред.), *Символическая политика* (Вып. 3, с. 298–316.). Москва: ИНИОН РАН.
9. Макаренко, Б.И., Петров, И.И. (2023). Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990–2021). *Полис. Политические исследования*, (1), 11–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.03>
10. Малинова, О.Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*, (2), 90–105.
11. Миллер, А. (2012). Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. В А. Миллер, М. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке: сб. статей* (с. 7–32). Москва: Новое лит. обозрение.
12. Миллер, А., Липман, М. (Ред.). (2012). *Историческая политика в XXI веке: сб. статей*. Москва: Новое лит. обозрение.
13. Михалев, О.Ю. (2023). Результаты парламентских выборов 2023 г. в Польше. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 42–53. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620234253>
14. Морозов, Е.С., Матвеева, Е.А. (2022). Экстренное заседание бундстага ФРГ 27 февраля 2022 г.: количественный анализ выступлений депутатов. В Н.В. Амбросов и др. (Ред.), *Вестник Иркутского университета* (Вып. 25, с. 189–192). Иркутск: Иркут. гос. ун-т.
15. Неменский, О.Б. (2021). Внешнеполитическая тематика в предвыборных программах польских партий в 2019 г. *Проблемы национальной стратегии*, (1), 175–201. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_1_175
16. Пичугин, С.А. (2022). Эволюция образа России в программах партий немецкого Бундестага в 2013–2021 гг. *Власть*, 30(3), 185–190. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9065>
17. Пичугин, С.А. (2024). Образ России в новых предвыборных программах партий немецкого Бундестага. *Власть*, 32(4), 242–247. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>

18. Словински, К. (2020). Историческая политика партии «Право и Справедливость». *Современная Европа*, (1), 102–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope12020102112>
19. Тимошенкова, Е.П. (2020). *Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.)*. Москва: ИЕ РАН.
20. Хорольская, М.В. (2019). Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФРГ. *Анализ и прогноз*. Журнал ИМЭМО РАН, (1), 70–85. <https://doi.org/10.20542/afij-2019-1-70-85>
21. Хорольская, М.В. (2023). Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России. *Анализ и прогноз*. Журнал ИМЭМО РАН, (2), 73–83. <https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-73-83>
22. Шейгал, Е.И. (2000). *Семиотика политического дискурса* [Дис. ... д-ра филолог. наук. Волгоградский государственный педагогический университет]. Российская государственная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000288599/
23. Шмыт, З. (2022). Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше. *Социология власти*, 34(1), 39–68. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-39-68>
24. Jäger, S. (2013). Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. In R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 32–63). London: SAGE Publications.
25. Krawatzek, F., & Matevosyan, H. (2024). *Mit Russlandhintergrund in Deutschland: Ansichten zu Politik, Gesellschaft und Geschichte*. ZOIS Report 5 / 2024. Berlin: Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien.

References

1. Balobaev, V.A. (2012). Rossiya v programmakh pol'skikh politicheskikh partiy v izbiratel'noy kampanii 2011 goda [Russia in the programs of the polish political parties in the election campaign in 2011]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, (1), 68–77.
2. Basov, F.A. (2014). Rossiya v ustanovkakh politicheskikh partiy FRG [Russia in arrangements of German political parties]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (4), 56–61.
3. Basov, F.A. (2021). Transformatsiya partiynoy sistemy Germanii [The Transformation of the German party system]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(2), 29–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36>
4. Belov, V.B. (2022). Novoe pravitel'stvo FRG i germano-rossiiskie otnosheniya. Faktor Ukrainy. Chast' 2 [[New German government and German-Russian relations. Ukraine factor. Pt. 2]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, (2), 100–116. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2022100116>
5. Bourdieu, P. (2017). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of social space]. St. Petersburg: Aleteyya.

6. Jäger, S. (2013). Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. In R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 32–63). London: SAGE Publications.
7. Khorolskaya, M. V. (2019). Novoe vo vneshnepoliticheskikh orientirakh vedushchikh partiy FRG. Analiz i prognoz [New in foreign policy orientation of the leading parties in Germany]. *Zhurnal IMEMO RAN*, (1), 70–85. <https://doi.org/10.20542/afj-2019-1-70-85>
8. Khorolskaya, M. V. (2023). Izmeneniya v politicheskom landshafte Germanii posle nachala boevykh deystviy na Ukraine: vyzovy dlya Rossii. Analiz i prognoz [Changes in the German political landscape after the outbreak of the conflict in Ukraine: challenges for Russia]. *Zhurnal IMEMO RAN*, (2), 73–83. <https://doi.org/10.20542/afj-2023-2-73-83>
9. Kornienko, A. V. (2015). Predvybornyy partiynyy diskurs v lingvo-sotsiologicheskoy perspective [Pre-election party discourse in a linguo-sociological perspective]. In O. Yu. Malinova at al. (Eds.), *Simvolicheskaya politika* (Iss. 3, pp. 298–316.). Moscow: INION RAN.
10. Krawatzek, F., & Matevosyan, H. (2024). *Mit Russlandhintergrund in Deutschland: Ansichten zu Politik, Gesellschaft und Geschichte*. ZOIS Report 5 / 2024. Berlin: Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien.
11. Makarenko, B. I., & Petrov, I. I. (2023). Dinamika politicheskogo spektra evropeyskikh partiynykh sistem (1990–2021) [Dynamics of the spectrum of European political parties (1990–2021)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 11–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.03>
12. Malinova, O. Yu. (2010). Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii [Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 90–105.
13. Mikhalev, O. Yu. (2023). Rezul'taty parlamentskikh vyborov 2023 g. v Pol'she [Results of parliamentary elections 2023 in Poland]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, (6), 42–53. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620234253>
14. Miller, A. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI veka [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XII century]. In A. Miller, & M. Lipman (Eds.), *Istoricheskaya politika v XXI veke: sb. statey* (pp. 7–32). Moscow: Novoe lit. obozrenie.
15. Miller, A., & Lipman, M. (Eds.). (2012). *Istoricheskaya politika v XXI veke: sb. statey* [Historical politics in the 21st century: a collection of articles]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
16. Morozov, E. S., & Matveeva, E. A. (2022). Ekstrennoe zasedaniye bundestaga FRG 27 fevralya 2022 g.: kolichestvennyy analiz vystupleniy deputatov [Extraordinary session of the German Bundestag on February 27, 2022: quantitative analysis of the speeches of the deputies]. In N. V. Ambrosov et al. (Eds.), *Vestnik Irkutskogo universiteta* (Iss. 25, pp. 189–192). Irkutsk: Irkut. gos. un-t.
17. Nemensky, O. B. (2021). Vneshnepoliticheskaya tematika v predvybornykh programmakh pol'skikh partiy v 2019 g. [Foreign-policy topics in political programs

of Polish parties during the 2019 elections]. *Problemy natsional'noy strategii*, (1), 175–201. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_1_175

18. Pichugin, S.A. (2022). Evolyutsiya obraza Rossii v programmakh partiy nemetskogo Bundestaga v 2013–2021 gg. [Evolution of Russia's image in the programs of the German Bundestag parties in 2013–2021]. *Vlast'*, 30(3), 185–190. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9065>

19. Pichugin, S.A. (2024). Obraz Rossii v novykh predvybornykh programmakh partiy nemetskogo Bundestaga [Russia's image in the new election programs of the German Bundestag parties]. *Vlast'*, 32(4), 242–247. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>

20. Sheygal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Dissertation, Volgograd State University]. Russian State Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000288599/

21. Slovinski, K. (2020). Istoricheskaya politika partii “Pravo i Spravedlivost” [The historical policy of Poland's law and justice party]. *Sovremennaya Evropa*, (1), 102–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope12020102112>

22. Szmyt, Z. (2022). Peresborka proshlogo kak instrument politicheskoy bor'by: publichnaya istoriya v postsotsialisticheskoy Pol'she [Reassembling the past as an instrument of political struggle: public history in post-socialist Poland]. *Sotsiologiya vlasti*, 34(1), 39–68. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-39-68>

23. Timoshenkova, E.P. (2020). *Partiyno-politicheskaya sistema Germanii v period kantslerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.)* [The party-political system of Germany during the Chancellery of A. Merkel (2005–2017)]. Moscow: IE RAN.

24. Vishnyakova, O.S. (2017). Podkhody parlamentskikh partiy FRG k vystraivaniyu rossiysko-germanskikh otnosheniy v kontekste vyborov v bundestag 2017 goda [Approaches of the German parliamentary parties to building Russian-German relations in the context of the 2017 Bundestag elections]. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy*, (4), 295–300.

25. Żegota, K. (2019). Pol'sko-rossiyskie otnosheniya v programmakh vybrannykh pravyykh politicheskikh partiy v Pol'she. Kolichestvennyy i kachestvennyy analiz [Polish-Russian relations as reflected in the programmes of right-wing political parties in Poland: a quantitative and qualitative analysis]. *Baltiyskiy region*, 11(3), 125–141. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-7>

Информация об авторах

Андрей Александрович Линченко, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ; Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>, e-mail: linchenko1@mail.ru

Варвара Владимировна Антоновская, научный сотрудник, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6647-6034>, e-mail: var.antonovskaya@yandex.ru

Information about the authors

Andrey Aleksandrovich Linchenko, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>, e-mail: linchenko1@mail.ru

Varvara Vladimirovna Antonovskaya, Researcher, RUDN University, Moscow; Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6647-6034>, e-mail: var.antonovskaya@yandex.ru
